

УДК 82.091 (Сравнительно-исторические литературоведческие исследования)

ЗАГАДКА ЭДИПА: НОГИ, ВСАДНИК И ОЖИВАЮЩАЯ СТАТУЯ

© 2020 В.И. Пимонов

Пимонов Владимир Иванович, Ph.D, кандидат филологических наук (Дания),
профессор-эмеритус.
E-mail: ivpet65@mail.ru

Институт кино и телевидения (ГИТР).
Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 26.05.2020

Объект статьи: Статья посвящена структуре и значению загадки Сфинги в мифе об Эдипе. *Предмет статьи:* Автор описывает структурное и семантическое тождество между загадкой Сфинги и образом Эдипа, основанное на общем мотиве «ног». Загадка Сфинги и ответ на нее Эдипа рассматриваются как единый текст, который заключает в себе одновременно как иносказательное описание стадий жизни «человека», так и буквальное описание фигуры «всадника», одного из центральных мотивов мифа об Эдипе. Этот мотив пронизывает структуру мифа и повествование о трагической судьбе героя. *Цель исследования:* Автор показывает, что мотив всадника возникает в загадке в результате соединения двух объектов разных классов: «двуногого» существа (ребенка, то есть человека) с «четвероногим» (животном, например, лошади) посредством предиката движения ὄχουμένον (причастной формы глагола ὄξω), спектр значений которого включает «езду верхом» и «транспортировку», например, на спине лошади. Структура загадки Сфинги, основанная на соединении «двуногого» (человека) и «четвероногого» (животного) в единую фигуру всадника, воспроизводится на разных уровнях мифа. Нарастая и варьируясь по ходу развития сюжета, сквозной мотив всадника, завуалированный в загадке, находит выражение в фигуре «Лаия на колеснице», «Исмены на коне» и, наконец, кульминирует в конце жизнеописания Эдипа в образе статуи Колона-всадника. *Методология работы:* применены методы лингвистического и структурно-семантического анализа. *Результаты:* Показано, что в кентаврическом образе всадника, закамуфлированном в тексте загадки с помощью соединения характеристик «двуногого» (человека) и «четвероногого» (животного), как в микрокосме отражен весь универсум мифа и его главных персонажей - Эдипа и Сфинги. Разбор общих свойств конной статуи Колона и фигуры Сфинги показывает, что мотив всадника сопряжен с мотивом оживающей статуи, которая характеризуется «голосом». *Область применения результатов:* литературоведение, структурная поэтика, мифологические исследования, классическая филология. *Вывод:* Кентаврический мотив «всадника» (как соединения «человека» и «животного»), спрятанный в загадке Сфинги, пронизывает весь сюжет мифа об Эдипе и становится предвестием падения и позора трагического героя, который, совершив отцеубийство и инцест, нарушает границу, отделяющую человека от животного. И символически превращается в получеловека, полужверя. В финале тот же мотив звучит в образе конной статуи Колона, символизирующей Посейдона, бога лошадей и хранителя священной земли, где Эдип находит свое последнее пристанище после долгого путешествия от осквернения до ритуального очищения. Сквозной мотив «всадника» высвечивает драму Эдипа, в основе которой загадка неопределенности границ между человеком, зверем и богом.

Автор выражает благодарность Дану Уитмену, Евгению Жаринову и Светлане Грачевой за участие в обсуждении статьи и ценные советы.

Ключевые слова: Эдип, Сфинга, загадка, ноги, всадник, статуя, мотив, миф, структура, семантика, предвестие.

DOI: 10.37313/2413-9645-2020-22-72-97-103

Ноги. О роли мотива «ног» в сюжете мифа об Эдипе написано много [1, с. 56-57], [2, с. 78-81], [3, с. 101]. Травмированные с детства ноги главного героя, чье имя Οἰδίπους буквально означает «пухлоногий» (οἰδέω - «набухать», «пухнуть» и ποῦς - «нога»), связывали с такой характеристикой, как «затруднение в пользовании конечностями», которая отражена в восходящей к народной этимологии семантике имен основных персонажей инвариантного мифа: от деда Эдипа Лабдака («хромой» - от греческой буквы «лямбда» - λ, графически похожей на «неравные конечности») до его

отца Лайя («левша» - от λαίβος - «левый») и, наконец, самого Эдипа («пухлоногий») [4, с. 248-251]. Мотив «ног», находящийся выражение на разных уровнях мифа об Эдипе — от лексического до сюжетного, также является доминантой основного образа - существа с меняющимся количеством ног в загадке Сфинги: «Какое существо, имея один и тот же голос, становится поочередно четырехногим, двуногим и трехногим?» [5, с.83] – «τί ἐστὶν ὁ μίαν ἔχον φωνὴν τετράπουν καὶ δίπουν καὶ τρίπουν γίνεται <...>» [6, с.348]. Слово «нога» (πούς) с одной стороны, — важнейшая составляющая «говорящего» имени Οἰδίπους, а с другой, — выражает основную тему загадки, загаданной Эдипу. Тем самым обнаруживается тавтологический параллелизм между именем главного героя и загадкой, устанавливающий структурное и семантическое тождество между закодированным объектом загадки и Эдипом. По версии псевдо-Аполлодора, Эдип, разгадывая загадку, отвечает, что это «человек: ибо в детстве он ползает на *четырёх* конечностях, когда человек становится взрослым, он ходит на *двух* ногах, а в старости он берет в качестве *третьей* опоры палку». При условии тождества между загадкой и Эдипом правомерен вопрос: а разгадал ли Эдип загадку или правильный ответ должен содержать не просто указание на человека «вообще», а на самого Эдипа? [7, с. 232]. Не углубляясь в полемику по этому вопросу, отметим, что большинство критиков понимают загадку Сфинги как иносказательное описание стадий жизни человека: молодость, зрелость, старость [8, с. 32]. Между тем, «загадка обычно допускает не одну, а несколько разгадок. Загадка не просто параллелизм с выпущенной второй частью параллели, а игра, с возможностью провести несколько параллелей» [9, с.143]. Поиск альтернативных интерпретаций загадки Сфинги, в том числе эротических [10, с.265], стал предметом многочисленных исследований [11, с.108].

Всадник. В этой статье выдвигается догадка о том, что загадка Сфинги и ответ на нее Эдипа, как *единый текст*, заключает в себе одновременно как *иносказательное* описание стадий жизни «человека», так и *буквальное*, но спрятанное в семантике предиката, описание фигуры «всадника» - одного из центральных мотивов мифа об Эдипе. В ответ на вопрос о «четвероногом»: «τί ἐστὶν ὁ μίαν ἔχον φωνὴν τετράπουν» (Apollodorus 3.5.8) – «Кто, имея один голос, есть **четвероногий**» (пер. ВП) Эдип отвечает: «**τετράπουν βρέφος ὄντα τοῖς τέτταρσιν ὀχοῦμενον κῶλοις**» (Apollodorus 3.5.8) – «**четвероногий** ребенок <...> **перемещается на четырех конечностях**» (пер. ВП). Эдип вкладывает *иносказательный* смысл в слово «четвероногий», указывая на ребенка, который ползает на четвереньках, поскольку еще не умеет ходить. Здесь мы рассматриваем только одно значение слова βρέφος - как «ребенок, младенец». Понимание слова βρέφος в других его значениях, например, как «детеныш животного» или «жеребенок», то есть как «четвероногое животное», приводит к изменению смысла: «**четвероногий** жеребенок <...> **перемещается на четырех конечностях**»), что допускает параллельное толкование, предложенное в работе [12, с. 62-74].

В реальности, то есть, в *буквальном* смысле, у ребенка (человека, в отличие от животного) не четыре ноги, а две. Считать руки ногами возможно только в иносказательном смысле, что и сделал Эдип. В буквальном же смысле утверждение «ребенок перемещается на четырех конечностях» выглядит противоречивым, так как одновременное наличие у одного и того же существа характеристик «двуногий» (свойство человека) и «четвероногий» (свойство животного) выглядит невозможным. Мы полагаем, что это противоречие снимается посредством употребленного Эдипом слова **ὀχοῦμενον**, выражающего движение. Обычно его переводят как «ползает»: «в детстве он ползает на четырех конечностях». Предикат ὀχοῦμενον - причастная форма глагола **ὀχέω** [osheo] (ехать верхом, парить, плыть, нести, переносить, сажать или везти верхом) в медиальном (среднем) залоге — **ὀχοῦμαι**. Эта причастная форма включает такие компоненты значений, как «перевозимый», «транспортируемый», «позволяющий себя везти» или «перемещаемый» на чем-то или на ком-то, например, на *спине лошади*. Спектр значений предиката (причастия ὀχοῦμενον) указывает на то, что речь идет не об одном существе, которое передвигается на четырех конечностях (ребенке), а о соединении в единое целое двух существ, одно из которых («двуногое» - ребенок) перевозится верхом, транспортируется другим, «четвероногим». Становится возможным *буквальное* прочтение, при котором «четыре конечности» (заметим: вместо «ног» употреблено слово «конечности» - κῶλοις) принадлежат не тому, кого перевозят (ребенку), а другому — тому, на котором перевозят первого. В результате соединения «двуножного» (βρέφος - ребенка, то есть человека), сидящего верхом на «четвероногом» (животном, имеющем «четыре конечности»), например, лошади, возникает представление о *всаднике*. Этот «всадник» - то есть, ребенок, сидящий

верхом на «четвероногом», как бы «расщеплен» в тексте на два существа за счет значений слова ὄχοῦ με νοῦν, которое оказывается тем ключевым предикатом, с помощью которого осуществляется связь двух объектов разных классов, образующая загадку [ср. 13, с. 315]. Исходная схема загадки основана «на обыгрывании <...> противопоставления «*двуногих*» <...> *людей и «четвероногих» <...> животных*» [14, с. 91], что отражено в усеченном варианте загадки: ἔστι δὶ ποῦν ἐπὶ γῆς καὶ τετραπόν - «Есть существо на земле: и *двуногим*, и *четвероногим* // [Может являться оно]». В фольклоре загадки о существе со многими ногами встречаются в форме *загадки о всаднике и лошади* или же в виде *соединения двух последних*: [15, с. 92]. «Шесть ног, две головы, один хвост. Что это? Ответ: Всадник на лошади». Или «Не животное, но на четырех ногах. Ответ: Человек на лошади». Отметим, что «трехногое» существо вошло в загадку позже, а акт самоослепления Эдипа был добавлен в послегомеровских изводах мифа, возможно, для того, чтобы «согласовать третью ногу в загадке с палкой в качестве опоры, которая понадобится слепому Эдипу» [16, с. 210]. Мотив «трехногости», перекликающийся с загадкой Сфинги, также встречается в фольклоре: «Три ноги, две руки, одна голова — что это? Ответ: Старик с палкой».

Эдип. Структура загадки Сфинги, основанная на соединении «двуногого» (человека) и «четвероногого» (животного, например, лошади) в единый образ всадника посредством предиката движения, воспроизводится на разных уровнях мифа, например, в повествовании о младенчестве Эдипа. Его мать Иокаста рассказывает: «Родился сын. И вот, богам послушный, / Стопы ему пронзив железом острым, / Рабам его велит снести отец / На дальние утесы Киферона, / В те Герюю почтенные луга ... / **Табунщики** (ἰπλοβοῦκόλοι) там отыскивали сына, / И, во дворец Полибов **отнесен** (φέρουσ), / Царицею был принят мой ребенок» [17, с. 4]. В греческом тексте «табунщики» обозначены словом ἰπλοβοῦκόλοι (множественное число ἰπλοβοῦκόλος, - ἰπλο, аккузатив от ἴπλος - «лошадь» + βοῦκόλος - «пастух»), что означает человека, который пасет или выращивает лошадей и, естественно, перемещается на лошади. Спектр значений употребленного глагола φέρουσ (инфинитив φέρω - нести, переносить, перевозить) указывает на «транспортировку», «перемещение» Эдипа-младенца табунщиками на спине лошади. Здесь соединение двух объектов — Эдипа-ребенка («двуногого») и лошади («четвероногой»), на которой табунщики его перевозят, вновь создает единый образ всадника, что воспроизводит схему, лежащую в основе загадки Сфинги. Еще до того, как выясняется, что Эдип убил Лаия, хор говорит (точнее, поет) об убийце: «ὄρα νῦν ἄελλᾶδων ἴπλων σθενάρωτερον φυγᾶ πόδα νωμᾶν» (466-68). Перевод, который приводит О.М. Фрейденберг, отражает до-понятийные, мифологические представления, выраженные в мелике хора: «Пора ему на бурных **конях** направить быструю **ногу** к бегству» [18, с. 467]. Здесь образ «ноги» (семантического эквивалента Эдипа - «часть вместо целого»), направленной к бегству на «бурных конях», выражает мотив всадника в ассоциативном образе Эдипа верхом на лошади.

Лаий. Эдип вспоминает, как неузанный им Лаий проезжает в колеснице у перекрестка трех дорог: «Навстречу мне повозка едет, вижу; / Пред ней бежит глашатай, а в повозке (ὄχου) / Сам господин». В греческом тексте «повозка» названа словом ὄχου (генетив ὄχος /ó.kh os/ - «колесница», запряженная мулами или лошадьми), восходящим к глаголу ὄχεω (ехать, везти верхом). Причастная форма этого глагола, как сказано выше, употреблена в ответе Эдипа на загадку Сфинги. Тем самым фигура Лаия («двуногого»), сидящего на «колеснице», запряженной «четвероногими», выражает мотив всадника и перекликается с «двуногим», перевозимым на «четырёх конечностях» (τέτταρσι νώλοισι) в загадке Сфинги.

Статуя. Миф об Эдипе изобилует рассеянными по разным уровням текста элементами, которые выражают мотив всадника (см. «Эдип в Колоне» 54 – 55, 711 – 715, 887 – 900, 1491 – 1495, 1156 – 1159, 1059 – 1073). В этом ряду и воины афинской кавалерии (ἵππεῖς - hippeis), которые спасают похищенных Креонтом дочерей Эдипа (ОС, 1059-1073), и загадочная фигура Исмены на этнейском коне (ОС, 312). Нарастая и варьируясь по ходу развития сюжета, мотив всадника кульминирует в конце жизнеописания Эдипа. Обращаясь к слепому Эдипу, пришедшему после долгих лет странствий в Колон, страж указывает на *статую* Колона-всадника (ἵπλοτην Κολωνόν): «τὸν δὲ ἵπλοτην Κολωνόν» (ОС, 59): «здесь Колон-наездник – Вот этот самый – пращуром слывет». Колон определен эпитетом ἵπλοτην (hippotēs, 59), который обозначает «всадника на колеснице, запряженной лошадьми» [19, с. 503 – 504]. Символом Колона, «воплощенного в конной статуе его основателя, со

временем станет и сам Эдип, как защитник и ангел-хранитель этого сакрального места, прошедший драматический путь от осквернения до ритуального очищения» [20, с. 171]. Присвоение имени Колона всем жителям (ОС, 65) косвенно указывает на то, что и Эдип, получивший здесь убежище, обретет имя Колона-всадника. В финале пьесы — перед смертью, Эдип, по словам Вестника, слышит что «Вдруг какой-то голос (φθέγμα) / К нему воззвал <...> / А голос звал, протяжно, многократно: / "Эдип! Эдип! Тебя зову! Давно уж / Идти пора; не в меру медлишь ты". / Поняв, что бог (θεοῦ) его зовет, Фесея / К себе он требует» (Эдип в Колоне, 1623-30). Вестник говорит о *голосе бога*, но нет указания, какой именно бог обращается к Эдипу. Между тем в начале пьесы словом «бог» назван сам Колон [21, с. 65]: «καὶ κάρτα, τοῦδε τοῦ θεοῦ γ' ἐλών μοι». Речь идет о «названных именем бога» (θεοῦ род. падеж от θεός - бог), именно этим словом обозначен культовый герой – всадник Колон. Выстраивающаяся в повествовании последовательность образов «Колон — бог — голос бога» указывает на то, что голос «бога», который обращается к Эдипу перед его смертью (мистическим исчезновением), может принадлежать Колону-всаднику, воплощенному в образе конной статуи. Статую всадника Колона считают «иконическим знаком на сцене, обозначающим не только афинский дем Колон, но и бога лошадей и покровителя всадников Посейдона (ἱ πλὶ οὐ θεοῦ)» [22, с. 148], которого часто изображали в виде всадника на лошади. Тем самым и в контексте интерпретации Колона как эквивалента Посейдона к Эдипу обращается голос бога, представляемый в виде статуи всадника. Возникает подспудный мотив говорящей, то есть, «оживающей статуи».

Сфинга. Образ статуи Колона-всадника перекликается с образом Сфинги. Этимология древнегреческого слова σφίγξ (sphiŋks) остается предметом дискуссии. Одно из толкований возводит его к глаголу σφίγω - «сжимать», «душить». По другой версии σφίγξ представляет собой контаминацию египетского термина «shesep-ankh», который значит «живой образ», «живая статуя». Наиболее известный пример этого образа — скульптура Большого сфинкса на берегу Нила: лежащий лев с лицом, имеющим портретное сходство с фараоном. Отсюда и представление о похожем древнегреческом существе Сфинга, имеющей человеческое (женское) лицо и тело льва. Это гибридное существо (полу-женщина, полу-лев) неявно корреспондирует с фигурой отца Эдипа Лаия, чье имя λαῖος («левый», «левша») соотносится с латинским laevus и церковнославянским лѣвъ, что порождает ассоциативную связь «человека» и «льва» в одном образе. Версия, допускающая происхождение слова σφίγξ от древнеегипетского shesep-ankh (живая статуя), позволяет связать образ Сфинги с *мотивом статуи* [23, с. 10]. Допуская, что в спектр ассоциативных значений слова σφίγξ входит «статуя», обратим внимание на важнейшую характеристику Сфинги - *голос*, способность издавать звуки, то есть, речь идет об «оживающей статуе» [24, с. 946]. Об «оживании» символической статуи Сфинги свидетельствует ее «голос», с помощью которого она «поет» пророческую (μαντείας) загадку (ἀνιγμ) Эдипу: «πῶς οὐχ, ὅθ' ἡ ῥαψῶδὸς ἐνθάδ' ἦν κύων / ἠῦδασ τι τοῖσδ' ἀστοῖσιν ἐκλυτήριον; / καί τοι τό γ' ἀνιγμ' οὐχὶ τοῦ πόντος ἦν / ἄνδρὸς διειπεῖν, ἀλλὰ μαντείας ἔδει» (Oedipus Tyrannus, 391-394) - «Когда с кадмейцев хищная *певица* / Живую дань собирала – почему, / Ты не сказал им слова избавленья? / А ведь решить ту *мудрую загадку*...». Мотив *голоса* звучит и в загадке Сфинги, в которой говорится о существе с меняющимся количеством ног, но обладающим одним «голосом» (φωνή). Еще одной важной характеристикой четвероногой Сфинги является наличие у нее крыльев, что позволяет соотнести ее с образом всадника на крылатом коне (или колеснице), например, Посейдона, похищающего Пелопа на летающей колеснице: «На своих золотых конях / Он вознес тебя к Зевсу» [25, с. 40 – 43]. Тем самым мотив *оживающей* (говорящей) статуи оказывается подспудно сопряжен с мотивом всадника.

Кентавр. Мотив всадника, выраженный в символическом соединении человека и лошади (вариант «человекозверя»), восходит к представлению о мифологическом кентавре (κένταυρος). В кентаврическом всаднике, закамуфлированном в тексте загадки, как в микрокосме отражен весь универсум мифа и его главных персонажей. Мотив всадника проходит через Сфингу — гибридное чудовище с верхней частью (головой) женщины, то есть, человека, и нижней частью (телом и лапами) льва - животного [26, с. 114]. У Софокла Сфинга названа κύων (ΟΤ, 391) - «собакой» (четвероногой) и ῥαψῶδὸς («рапсодом»), поющей свою загадку. Пение — способность только человека («двуногого»). Семантика Сфинги и ее загадки подкрепляет идею о том, что «герой делает только то, что семантически сам означает» [27, с. 223]. Сфинга загадывает загадку, которая семантически означает ее саму, то есть, гибридное существо: «человек» («двуногий») верхом на «четвероногом», в символическом смысле — всадник. Двойственная идентичность Эдипа, в котором сочетаются два

противоположных начала: «человеческое» и «животное», описана в ряде исследований [28, с.5]. Оппозиция «человек-животное» внутри семантики античной культуры связана с запретами на отцеубийство и инцест. Именно эти два табу современники Софокла считали той границей, которая отделяет человека от животного [29, с. 207]. Тем самым в системе эллинской этики Эдип, как убийца своего отца и муж своей матери, представляется получеловеком-полуживотным. Имя $O\acute{i} \delta\acute{i} \lambda o\upsilon\varsigma$ также содержит в себе элемент $\delta\acute{i} \lambda o\upsilon\varsigma$ - «двуногий» («человек»), что порождает символическое сочетание «человеческого» с «пухлогим», восходящим к «хтоническому», «звериному» началу. «Звериная» составляющая, заключенная в семантике имени главного героя, воплощается в его действиях (отцеубийство и инцест). Кентаврический мотив «всадника» (соединение «человека» и «животного»), заложенный в загадке Сфинги, становится предвестием падения и позора трагического героя, который, совершив отцеубийство и инцест, нарушает границу, отделяющую человека от животного. И превращается в получеловека, полужверя. В финале тот же мотив звучит в образе конной статуи Колона — иконического знака Посейдона, бога лошадей и хранителя священной земли, где Эдип находит свое последнее пристанище после долгого путешествия от осквернения до ритуального очищения. Сквозной мотив «всадника» высвечивает подспудную драму Эдипа — драму неопределенности границ между человеком, зверем и богом.

1. Segal, Charles. Sophocles' Oedipus. Oedipus Tyrannus: Tragic Heroism and the Limits of Knowledge. - New York 1993. - 187 p. - P. 56-57.
2. Griffith, R. D. Theatre of Apollo. Montreal & Kingston. 1996. - С. 78-81.
3. Catenaccio, Claire. Oedipus Tyrannus: The Riddle of the Feet // The Classical Outlook. - Summer 2012. - Vol. 89/ - Number 4. - Pp. 102-107. - P. 102.
4. Леви-Строс, Клод. Структурная антропология. - М.: Академический проект 2008. - 555 с. - С. 248-251.
5. Аполлодор. Мифологическая библиотека. - М.: АСТ. Астрель, 2004. - 352 с. - С. 83.
6. Apollodorus. The Library. With an English translation by James George Frazer. - London Heidemann 1921. - 476 p. - P. 348.
7. Rush Rehm, 2002. The Play of Space: Spatial Transformation in Greek Tragedy. Rush Rehm. Princeton University Press 2002. - 448 p. - P. 232.
8. Connell, Jane. The Silence of the Sphinx: Oedipal Error and the Recovered Answer to the Riddle. - Fragmentum. - N. 38. - Vol. 2. - Laboratório Corpus: UFSM, Jul./ Set. - 2013. - P. 32.
9. Шкловский, В. Роман тайн. О теории прозы. - М.: Федерация, 1929. - 268 с. - С. 143.
10. Untying the Knot. The Riddles and Other Enigmatic Modes. ed. Galit Hasan-Rokem and David Shulman. - Oxford University Press, 1996. - 328 p. - P. 265.
11. Storytracking: Texts, Storis and Histories in Central Australia. Sam D. Gill. - Oxford University Press, 1998. - p. 304. - P. 108.
12. Пимонов В.И. Загадка Сфинги в мифе об Эдипе: мотив лошади как предвестие судьбы героя // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. - 2020. - Т. 22, № 70. - С. 62-74.
13. Елизаренкова, Т. Я., Топоров, В. Н. О ведийской загадке типа Brahmodya // Из работ московского семиотического круга. - М.: 1997. - 896 с. - С. 315.
14. Иванов, Вяч. Вс. Структура индоевропейских загадок-кеннингов // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том 3. - С. 91.
15. Иванов Вяч. Вс. Ibid. - С. 92.
16. Walter Kaufmann. The Riddle of Oedipus: Tragedy and Philosophy / Tragedy and Philosophy. Doubleday and Company 1968, 480 p. P.210.
17. Еврипид. Финикиянки. Перевод И.Анненского // В журнале: «Мир Божий», С.-Петербург. - Апрель- 1898. - С. 4.
18. Фрейденберг, О. М. Миф и литература древности. - М.: Восточная литература, 1998. - 800 с. - С. 467.
19. Nagy, Gregory. The Ancient Greek Hero in 24 Hours. - Cambridge, MA: Harvard University Press, 2013. - 713 p. - Hour 18. - P. 503 – 504.
20. Slattery, D. P., Slater, G. Varieties of Mythic Experience: Essays on Religion, Psyche and Culture. - Daimon Verlag, 2008, California. - P. 171.
21. Jebb, Richard. Sophocles: The Plays and Fragments, with critical notes, commentary, and translation in English prose. Part II: The Oedipus Coloneus. Sir Richard C. Jebb. - Cambridge. Cambridge University Press. 1899. - P. 65.
22. Wiles, David. Tragedy in Athens: Performance Space and Theatrical Meaning. - Cambridge University Press, 1997. - P. 148.

23. Clemens, J., Heron, N., Murray, A. *The Work of Giorgio Agamben. Law, Literature, Life.* Edinburgh University press 2008. - 212 p. - P. 10.
24. Ziolkowski, Theodore. *Talking Statues? The Modern Language Review.* - Vol. 110. - No. 4 (October 2015). - P. 946-968.
25. Пиндар, Вакхилид. Оды. Фрагменты. Издание подготовил М.Л. Гаспаров. - М.: Наука, 1980. - 504 с. - С. 40 – 43.
26. Иванов, Вяч. Вс. *Устное народное творчество, канонический текст и новейшая литература // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том 3.* - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 816 с. - С. 114.
27. Фрейденберг, О. М. *Поэтика сюжета и жанра.* - М.: Лабиринт, 1997. 448 с. - С. 223.
28. Chesi, Giulia Maria. *Humanimality and Hyper-determination in Sophocles' Oedipus Plays.* - *Skenè. Journal of Theatre and Drama Studies.* - Vol. 5. No 1. (2019). - P. 5 – 22.
29. Segal, Charles. *Tragedy and Civilization: An Interpretation of Sophocles.* - University of Oklahoma Press, 1981. - 505 p. - P. 207.

THE RIDDLE OF OEDIPUS: FEET, HORSEMAN AND LIVING STATUE

© 2020 V.I. Pimonov

Vladimir I. Pimonov, Ph.D in Philology (Denmark), professor emeritus.

E-mail: ivpet65@mail.ru

GITR Film & Television School.

Moscow, Russia

Object of the article: The article discusses the structure and meaning of the riddle of the Sphinx in the Oedipus myth. *Subject of the article:* The author describes the semantic similarity between the riddle and Oedipus, based on the common motif of the feet. The riddle of the Sphinx and Oedipus's answer to it are analyzed as a single narrative sequence, consisting of two descriptions of the riddle's object: one figurative – of the developmental stages of human life; one literal – of the figure of a horseman, conveying one of the central motifs which repeats itself throughout the story of Oedipus. This recent finding indicates an added dramatic motif to underscore the decline and disgrace of the tragic figure of Oedipus. *Goal of the research:* The author argues that the motif of a horseman emerges in the riddle as a result of combining the properties from two objects belonging to different classes (a “two-footed” creature - a baby, human being; with a “four-footed” creature – an animal, e.g., horse) into one single object. This becomes possible due to the predicate ὀχούμενον, a participle form of the verb ὀχέω, which has various meanings: “ride”, “let another ride”, “have oneself borne”, “to be borne or carried”, for example, on a horse's back. The article shows that the same pattern, based on the combination of a two-footed (human being) with a four-footed (animal) into a single image of a horseman, is reproduced and revealed at different levels of the myth. As the story unfolds, the motif of a horseman, camouflaged in the riddle of the Sphinx, develops and reveals itself many times in different images: “Laius riding a horse-drawn chariot”, “Ismene riding on a horse”, before it culminates at the end of Oedipus's life in the equestrian statue of Colonus. *Research methodology:* The author employs linguistic data and adopts a structural-semantic approach in his analysis. *Results:* The article shows that the image of a horseman, coded in the riddle by merging the properties of two objects - “two-footed” (human being) and “four-footed” (animal) – is a symbolic microcosm in which the macrocosm of the myth as well as of its central figures - Oedipus and the Sphinx - are reflected. Analyzing the common features of the equestrian statue of Colonus and the image of the Sphinx, the author argues that the motif of a “horseman” is related to the motif of a “living statue” through the ability to use “voice”. *Field of application:* literary studies, structural poetics, mythological studies, classics. *Conclusion:* The motif of a centaur-like horseman (as a combination of “human” and “animal”) concealed in the riddle of the Sphinx, reappears and repeats itself throughout the story. This recurrent motif foreshadows the decline and disgrace of the tragic hero who violates the separation of human and animal by committing patricide and incest, thus becoming half-human and half-animal. The same motif recapitulates at the end of the story in the centaur-like statue of Colonus atop a horse, who embodies Poseidon, the god of horses and the guardian of the sacred site where Oedipus finds his final resting place after a long pilgrimage from pollution to ritual purification. The recurrent horseman motif illuminates the sub-surface Oedipus's drama containing the riddle of the ambiguity between human, animal and god.

I would like to thank Dan Whitman, Yevgeny V. Zharinov and Svetlana M. Gracheva for assistance and very helpful suggestions.

Key words: Oedipus, Sphinx, riddle, feet, horseman, statue, myth, motif, structure, semantics.

DOI: 10.37313/2413-9645-2020-22-72-97-103

1. Segal, Charles. *Sophocles' Oedipus. Oedipus Tyrannus: Tragic Heroism and the Limits of Knowledge*. - New York 1993. - 187 p. - P. 56-57.
2. Griffith, R. D. *Theatre of Apollo*. Montreal & Kingston. 1996. - C. 78-81.
3. Catenaccio, Claire. *Oedipus Tyrannus: The Riddle of the Feet // The Classical Outlook*. - Summer 2012. - Vol. 89/ - Number 4. - Pp. 102-107. - P. 102.
4. Levi-Stros, Klod. *Strukturnaya antropologiya (Structural anthropology)*. - M.: Akademicheskii proyekt 2008. - 555 s. - S. 248-251.
5. Apollodor. *Mifologicheskaya biblioteka (Mythological library)*. - M.: AST. Astrel', 2004. - 352 s. - S. 83.
6. Apollodoros. *The Library*. With an English translation by James George Frazer. - London Heidemann 1921. - 476 p. - P. 348.
7. Rush Rehm, 2002. *The Play of Space: Spatial Transformation in Greek Tragedy*. Rush Rehm. Princeton University Press 2002. - 448 p. - P. 232.
8. Connell, Jane. *The Silence of the Sphinx: Oedipal Error and the Recovered Answer to the Riddle*. - Fragmentum. - N. 38. - Vol. 2. - Laboratório Corpus: UFSM, Jul./ Set. - 2013. - P. 32.
9. Shklovskiy, V. *Roman tayn. O teorii prozy (Roman of secrets. On the theory of prose)*. - M.: Federatsiya, 1929. - 268 s. - S. 143.
10. *Untying the Knot. The Riddles and Other Enigmatic Modes*. ed. Galit Hasan-Rokem and David Shulman. - Oxford University Press, 1996. - 328 p. - P. 265.
11. *Storytracking: Texts, Storis and Histories in Central Australia*. Sam D. Gill. - Oxford University Press, 1998. - p. 304. - P. 108.
12. Pimonov V.I. *Zagadka Sfingi v mife ob Edipe: motiv loshadi kak predvestiye sud'by geroya (The riddle of Sphinga in the myth of Oedipus: horse motif as a harbinger of the hero's fate) // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'nyye, gumanitarnyye, mediko-biologicheskiye nauki*. - 2020. - T. 22, № 70. - S. 62-74.
13. Yelizarenkova, T. YA., Toporov, V. N. *O vediyskoy zagadke tipa Brahmodya (About the Vedic riddle like Brahmodya) / Iz robot moskovskogo semioticheskogo kruga*. - M.: 1997. - 896 s. - S. 315.
14. Ivanov, Vyach. Vs. *Struktura indoyevropeyskikh zagadok-kenningov (The structure of Indo-European riddles-kenning) // Izbrannyye trudy po semiotike i istorii kul'tury. Tom 3*. - S. 91.
15. Ivanov Vyach. Vs. *Ibid.* - S. 92.
16. Walter Kaufmann. *The Riddle of Oedipus: Tragedy and Philosophy / Tragedy and Philosophy*. Doubleday and Company 1968, 480 p. P.210.
17. Yevripid. *Finikiyanki (The Phoenicians)*. Perevod I. Annenskogo // V zhurnale: «Mir Bozhiy», S.-Peterburg. - Aprel' - 1898. - S. 4.
18. Freydenberg, O. M. *Mif i literatura drevnosti (Myth and literature of antiquity)*. - M.: Vostochnaya literatura, 1998. - 800 s. - S. 467.
19. Nagy, Gregory. *The Ancient Greek Hero in 24 Hours*. - Cambridge, MA: Harvard University Press, 2013. - 713 p. - Hour 18. - P. 503 – 504.
20. Slattery, D. P., Slater, G. *Varieties of Mythic Experience: Essays on Religion, Psyche and Culture*. - Daimom Verlag, 2008, California. - P. 171.
21. Jebb, Richard. *Sophocles: The Plays and Fragments, with critical notes, commentary, and translation in English prose. Part II: The Oedipus Coloneus*. Sir Richard C. Jebb. - Cambridge. Cambridge University Press. 1899. - P. 65.
22. Wiles, David. *Tragedy in Athens: Performance Space and Theatrical Meaning*. - Cambridge University Press, 1997. - P. 148.
23. Clemens, J., Heron, N., Murray, A. *The Work of Giorgio Agamben. Law, Literature, Life*. Edinburgh University press 2008. - 212 p. - P. 10.
24. Ziolkowski, Theodore. *Talking Statues? The Modern Language Review*. - Vol. 110. - No. 4 (October 2015). - P. 946-968.
25. Pindar, Vakkhiliid. *Ody. Fragmenty (Odes. Fragments)*. Izdaniye podgotovil M.L. Gasparov. - M.: Nauka, 1980. - 504 c. - S. 40 – 43.
26. Ivanov, Vyach. Vs. *Ustnoye narodnoye tvorchestvo, kanonicheskiy tekst i noveyshaya literatura (Oral folklore, canonical text and the latest literature) // Izbrannyye trudy po semiotike i istorii kul'tury. Tom 3*. - M.: YAzyki slavyanskoy kul'tury, 2004. - 816 s. - S. 114.
27. Freydenberg, O. M. *Poetika syuzheta i zhanra (Poetics of the plot and genre)*. - M.: Labirint, 1997. 448 s. - S. 223.